

Научная статья
УДК: 342.571
DOI: 10.17323/tis.2024.23968

Original article

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ПРЕОДОЛЕТЬ «НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ»

THE STATE AND SOCIETY: TO OVERCOME "HEREDITY"

Михаил Александрович КРАСНОВ

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
mkrasnov@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-5641-4689

Информация об авторе

М.А. Краснов — профессор Высшей школы юриспруденции и администрирования НИУ ВШЭ, ординарный профессор НИУ ВШЭ, доктор юридических наук

Аннотация. Специфические условия, в которых формируется гражданское общество в России, обязаны длительной истории, в ходе которой народ практически никогда не обладал субъектностью и в массовом сознании не формировались ценности свободы, личной автономии, ответственности, гражданской солидарности и т.п. Тем не менее автор приходит к парадоксальному, на первый взгляд, выводу, что именно от государства зависят темпы и характер формирования подлинно гражданского общества. Однако парадокса тут нет. С одной стороны, Россия не будет устойчиво развиваться вне демократической системы, с другой — демократия, во всяком случае стабильная демократия, невозможна без подлинного гражданского общества, без его развитых институтов.

В то же время, поскольку в обществе отсутствуют навыки гражданской солидарности, навыки требовательности граждан к государству и т.п., процесс создания гражданского общества может затянуться на долгие десятилетия. Но у России нет такого ресурса времени. В этих условиях именно государство должно взять на

- себя роль «заботливого садовника». Конечно, тут есть
- опасность «огосударствления» институтов гражданского общества. Чтобы этого не происходило, само государство должно быть правильно организовано, и это станет
- основой для его заинтересованности в превращении населения из подданных в граждан, в появлении разви-
- того гражданского общества, в изменении стереотипов сознания и поведения не только активной части народа, но и относительно пассивного большинства.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, конституционная демократия, солидарность, субъектность народа

Для цитирования: Краснов М.А. Государство и общество: преодолеть «наследственность» // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 18–26; DOI: 10.17323/tis.2024.23968

Mikhail A. KRASNOV

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia,
mkrasnov@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-5641-4689

Information about the author

- М.А. Краснов — Professor of the Higher School of Law and Administration of the Higher School of Economics, Ordinary Professor of the Higher School of Economics,
- Doctor of Law

селения и отсутствия обособленных общественных групп — феодальных, городских, церковных — в России не могло явиться западноевропейское понятие государства (Status) как равновесия самостоятельных и равносильных элементов. Самое слово «государство» = господарство в первоначальном своем значении указывает на домовладыку, который, конечно, не был представителем равновесия борющихся домочадцев, а был *полновластным хозяином родового общества* (во всех цитатах курсив мой. — М.К.)» [3, с. 108–109].

Тут, впрочем, стоит пояснить, что В.С. Соловьев, говоря о западноевропейском понятии государства как о равновесии «самостоятельных и равносильных элементов», на самом деле имел в виду страну (государство вместе с обществом). Между тем Людовик XIV в своей известной фразе отождествлял себя именно с государством, т.е. как государь, *объединяющий* страну, но не *господствующий* над ней. Напротив, не только Иван Грозный, но и Петр I, и Сталин вполне могли утверждать: «Страна — это я».

Когда у народа нет субъектности, он не в состоянии ощущать себя единой, солидарной нацией (в гражданском смысле этого слова), и даже абсолютный правитель не в состоянии объединить ее. Только в отдельные моменты истории у народа появляется такое ощущение. В России это было связано с периодами, когда сама государственность находилась под угрозой исчезновения (начало положила национальная консолидация для противостояния монгольскому игу в конце XIV в.) или когда страна вела войны, смысл которых был понятен народу и одобряем им.

Данная закономерность была подмечена русскими историками и философами. Так, Е.Н. Трубецкой, воспринимая войну, которую Россия с союзниками вела в 1914–1918 гг. против Германии и Австро-Венгрии, как освободительную, написал в 1915 г.: «Только в эти минуты национального вдохновения ощущаем мы *единую* Россию. Только тогда обретает она это совершенное единство и цельность, когда история ставит перед ней великую цель, которая приподнимает ее над нею самою, над ее национальным эгоизмом. России нужно чувствовать, что она служит не себе только, а всему человечеству, всему миру. Только тогда она несокрушимо верит в себя и в самом деле хочет победить» [4, с. 372].

Однако в российской истории почти не было периодов, когда бы народ консолидировался для того, чтобы как-то ограничить всевластие государства. Не являясь социологом, не берусь утверждать категорично, но, вполне возможно, это было связано с глубинным конфликтом народа с государством. Во всяком случае, многие исследователи так полагают. Например, по выражению Н.А. Бердяева, в России

«народ нуждался во власти над собой и чувствовал инородность этой власти» [5, с. 34]. А такое противоречие снимается ментальным отделением «государя» от «государства», понимаемого как совокупность чиновничества, полиции, судов и т.п. («Царь хороший, бояре плохие»). Социальный психолог Т.Г. Стефаненко также указывала на это, говоря, что «царецентризм» (признание единоличной власти как естественной) есть «способ психологической защиты в ответ на *постоянный конфликт между народом и государством*: так как государство на протяжении веков воспринималось как *нечто чужеродное*, вмешавшееся во внутреннюю жизнь общины, отношения между ними способен был урегулировать только покровитель народа — царь» [6, с. 147].

Эта мысль о некоей «антигосударственности» российского общества довольно популярна. Л.С. Мамут пишет о «вращенной веками неприязни российских масс к государственному началу» [7, с. 112]; Э.А. Паин — о «недоверии к любой власти, кроме самой высшей» [8, с. 15], и о «восприятии главы государства не как элемента единой институциональной политической среды, а исключительно в личном качестве — как дара судьбы» [9, с. 10]; И.М. Клямкин — о «глубоко укоренившейся вражде к государству и правящим группам» и о «сакрализации царя при враждебном восприятии всех институтов и словесий» [10, с. 7, 12].

Разумеется, такая «антигосударственность» не есть нечто врожденное. Само *устройство власти* в России, начиная, видимо, с XV в., было направлено на исключение, подавление народной субъектности. Не появилась у народа субъектность и в советском государстве, хотя официальная доктрина представляет понятие «власть народа» как стержневое. Но, отрицая разделение властей, плюрализм, политическую конкуренцию, эта доктрина стала основой системы, которая за семь десятилетий своего существования окончательно дискредитировала понятие «гражданин», что сказалась на качестве постсоветской (ментально оставшейся советской) политической элиты. Известный мыслитель, философ права И.А. Ильин предвидел это еще в 1938 г.: «Напрасно думать, что [будущая] революция готовит в России буржуазную демократию. *Буржуазная особь подорвана у нас революцией; мы получим в наследство пролетаризованную особь, измученную, ожесточенную и деморализованную*» [11, с. 45–46].

2

Наличие гражданского общества является неотъемлемой частью демократии, ибо демократии без «демоса» быть не может. В противном случае формаль-

но демократические институты так и остаются лишь оболочкой, прикрывающей авторитарную суть государственности. В незрелом гражданском обществе (каким пока является наше) искажается и утрачивается смысл демократических ценностей.

Я не хотел бы полемизировать по поводу определения понятия «гражданское общество». Это не только отвлекает от темы, но и будет не очень продуктивно, поскольку дефиниции здесь столь же относительны, сколь относительны они, скажем, для «демократии» и «свободы». Каждое из этих понятий несет некий метафизический смысл, который улавливается, скорее, интуитивно. Но для целей настоящей статьи надо хотя бы обозначить, как понимается в ней гражданское общество. Я бы определил его как общество индивидов, обладающих личной, политической и экономической свободой и на основе этой свободы выстраивающих институты солидарности, в том числе для отстаивания коллективных интересов перед государством.

Н.В. Варламова утверждает, что «постсоциалистическое общество не является гражданским», поскольку, по Р. Роузу, представляет собой «общество песочных часов», в котором «четко просматриваются две части: верхняя — собственно государство и тесно связанные с ним отдельные элитарные структуры бизнеса, информации, культуры, и нижняя — формальные и неформальные, официальные и неофициальные организации «широких слоев населения», обслуживающие некоторые их социальные интересы, — профсоюзы, кассы взаимопомощи, спортивные клубы, национально-культурные центры и т.д. Узкое «горлышко» песочных часов не позволяет этим двум частям сопрягаться — граждане практически лишены возможности воздействовать на государство» [12, с. 65].

Думается, это излишне ригористичный взгляд. В конце концов, везде есть социально активное меньшинство и большинство, «занимающееся своими делами». Но большая доля правды в этом суждении все же есть. Поэтому я бы не сказал, что на исходе XX в. в России не было гражданского общества, правильнее говорить о его неразвитости, незрелости. Индикаторами же зрелости прежде всего служат:

- наличие самодельных негосударственных структур (общественных, политических, коммерческих);
- гражданское самосознание, т.е. осознание людьми как своих прав, так и своей ответственности;
- реальное влияние институтов гражданского общества на власть;
- гражданская солидарность, без которой деятельность, акции отдельных негосударственных структур остаются без внимания со стороны власти и не дают ожидаемого эффекта.

Из всех названных признаков сегодня в России можно констатировать, пожалуй, наличие только одного — существования многочисленных негосударственных структур (правда, хуже всего дело обстоит с профсоюзами). Но важно учитывать не только зачаточное состояние российского «демоса». Главной бедой постсоветского общества можно с уверенностью считать отсутствие массовидного и органического присутствия в нем духа основных ценностей конституционной демократии. А ведь, говоря словами А. де Токвиля, «привычки души» и «совокупность идей, которые определяют привычки ума», т.е. «моральный и интеллектуальный облик народа», способствуют укреплению политических учреждений [13, с. 220].

На величайшую важность «субъективного фактора» в демократии указывали многие демократические мыслители, особенно в эпоху Просвещения [14, с. 195–322, 255; 15, с. 27]. Замечательный русский юрист и философ П.И. Новгородцев писал, что демократия требует «большой зрелости народа» и что, «если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, необходимо, чтобы эти силы подчинялись себя некоторому *высшему обязывающему началу*» [16, с. 396].

Не веря в быстрое «подчинение обязывающему началу», другой крупный русский мыслитель (и ученик Новгородцева), И.А. Ильин, пришел к выводу о том, что главные ценности достойной жизни могут быть сохранены и гарантированы и вне традиционных демократических институтов. Это было вызвано не неприятием демократии как таковой, а пониманием ее инструментального характера (в отличие от самоценности свободы): «Демократия, — говорил он, — не есть ни высшая цель; ни самостоятельная цель; она есть лишь способ выделения немногих, лучших к власти; и притом один из способов» [17, с. 131]. Но при этом Ильин опасался, и не без оснований, что демократия не в состоянии справиться с ролью «выделения лучших». Именно поэтому он выступал за такую форму государственности, как *аристократия* (понимая под этим, однако, отнюдь не аристократию по крови), говоря, что «широкие массы должны быть вовлекаемы в политическую жизнь до того, как за ними будет формально утверждена публичная дееспособность; или, что то же: только тот может приступить к отправлению публичных полномочий, кто осмыслил и усвоил свои публичные обязанности и запрещения...» [17, с. 130].

Наблюдая за тем, какая мотивация присутствует у российских избирателей, особенно за пределами городов-агломераций; за тем, какие результаты дают выборы (и федеральные, и региональные), очень хо-

чается согласиться с Ильиным, опасавшимся гибели государственности из-за торжества *охлакратии*, которой всегда беременна демократия. Действительно, не стали ли первые постсоветские годы подтверждением прозорливого предупреждения П.И. Новгородцева, писавшего в 1923 г.: «Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой... На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизни, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма» [16, с. 395–396].

И все-таки, отмечая незрелость современного российского общества, я не собираюсь утверждать, что в гуманитарном смысле оно отличается от любого другого общества, которое можно отнести к европейской цивилизации. Большинству людей в России так же, как и в других странах, свойственны и чувство собственного достоинства, и неприятие произвола, государственной лжи, и стремление к справедливости. Социологические опросы показывают, что российские граждане сознают крайнее несовершенство своей государственности. Так, с августа по октябрь 1999 г. службой общественного мнения *Gallup International* был реализован глобальный социологический проект, исследующий отношение людей к демократическим ценностям. На вопрос «Каким из предложенных слов вы охарактеризовали бы правительство вашей страны? (Выбрать не больше трех вариантов)» ответы распределились таким образом:

Характеристика	Весь мир	Россия
Эффективное	9,9%	1%
Бюрократическое	39,1%	69,2%
Коррупцированное	40,8%	40,8%
Справедливое	12,5%	2,6%
Отвечающее чаяниям людей	10,3%	0,7%

А на вопрос «Считаете ли вы, что ваша страна управляется волею народа?» в целом по странам мира положительный ответ составил 30,1% (в России — 3%).

Такие ответы российских респондентов (они подтверждаются и более поздними опросами) внушают оптимизм, ибо гораздо труднее было бы говорить о перспективах укрепления в России гражданского общества, если бы граждане воспринимали действительность как вполне соответствующую их представлениям о демократической норме.

В то же время неудовлетворенность российских граждан политическими, экономическими и социальными условиями жизни зачастую востребует средства, далекие от ценностей конституционной демократии. Поэтому, наверное, правомерно говорить, что пока «привычки души» в России расходятся с «привычками ума». Сегодня граждане в большей степени востребуют не свободу, а силу власти, причем больше в ее патерналистском, нежели в правовом смысле.

Человеку свойственно идентифицировать себя с какой-либо общностью, дабы удовлетворить глубинные потребности в безопасности, защите, избежании одиночества и бессилия, о чем замечательно писал Эрих Фромм [18]. В посттоталитарной России выбор для такой идентификации невелик, поскольку структуры гражданского общества (партии, СМИ, общественные организации и т.п.), хоть и многочисленны, но пока не могут обеспечить человеку то, чего он от них сознательно или подсознательно ожидает. К тому же у нас еще совсем не развиты традиции солидарности — не то что человеческой, но часто и корпоративной.

Идея свободы, равенства и естественных прав человека долго и трудно пробивала себе дорогу в истории нынешней цивилизации. Но в итоге именно она, вобрав в себя ценности христианской этики, стала преобладающей в современном мироустройстве. Эпоха абсолютизма закончилась после того, как на формальную почву была поставлена идея естественных прав человека, т.е. прав, которые невозможно у него отнять, ибо они дарованы ему не государством, а по самому факту рождения. Как писал раннехристианский философ Ориген, «Он (Бог) был причиной бытия тварей. Но в Нем не было никакого разнообразия, никакой изменчивости, никакого небытия; поэтому всех, кого Он сотворил, Он сотворил равными и подобными, потому что для Него не существовало никакой причины разнообразия и различия» (цит. по [19, с. 27]).

К соучастию в мироустройстве, построенном на идее свободы, равенства и прав человека, постепенно шла и добольшевистская Россия. С противоречиями, жертвами, но шла и в итоге выстрадала свою первую Конституцию — Основные государственные законы 1906 г. Вместе с реформами начала XX в. в России вызревали и зачатки гражданского общества. Но, не успев сформироваться, оставаясь во многом элитарным (вот когда действительно российское общество напоминало песочные часы), общество оказалось в большой степени виновным в своем уничтожении. Увлеченность радикальными идеями оказалась настолько большой, что к трезвым голосам, предупреждавшим об опасности потерять Россию, мало кто прислушивался.

Самоценность права не сумела утвердиться на российской почве не потому, что архетипически в российском народе властвует дух произвола, анархии и т.п. Дело, полагаю, в другом. С одной стороны, власть (объективности ради скажу — не только советская, но и добольшевистская) почти всегда относилась к собственному народу, как к *недееспособному субъекту*, который не в состоянии понимать цели развития и не может поэтому нести политической ответственности, а лишь нуждается в попечении, опеке, но при этом должен быть абсолютно послушен власти. Недееспособность в таком контексте оправдывала и отсутствие всякой *правоспособности* народа. С другой стороны, в среде самого народа было гораздо меньше просветителей и гораздо больше бунтарей, названных впоследствии революционерами.

Народ стремился не столько к свободе, сколько к воле, не столько к собственности, сколько к увеличению размера средств, выплачиваемых государством для поддержания жизни. Впрочем, это тоже имеет свои причины, о которых следует говорить отдельно. В данном случае лучше сослаться на Ричарда Пайпса, американского исследователя, который хорошо знал Россию и симпатизировал ей. Считая неразделимыми понятия «свобода» и «собственность», он писал: «До 1991 г. у русских и народов, которые они себе подчинили, гражданских прав было мало, а политических (если исключить десятилетие между 1906 и 1917 г.) — никаких. Во времена абсолютизма власть верховных правителей России была более абсолютной, чем у их западных собратьев; в эпоху демократии Россия держалась за абсолютизм дольше, чем любая европейская страна. В течение семи десятилетий коммунистического правления она создала режим, лишивший ее народ свободы в такой степени, какой не знала вся предшествующая мировая история» [20, с. 210]. А заключая свой очерк об исторических причинах несформированности гражданского общества в России, Пайпс писал: «Политическая свобода и гражданские права появились в России в 1905/1906 г. не как естественное развитие народной власти, осуществляемой посредством собственности и права, а как отчаянная попытка монархии предотвратить грозившую революцию. Когда же десятилетие спустя революция все-таки разразилась, все свободы и права, вместе с собственностью, унеслись и растаяли в голубой дымке, потому что не имели в стране сколько-нибудь прочных оснований. Опыт России показывает, что свобода не может быть учреждена законодательным актом, она должна вырасти постепенно, в тесном содружестве с собственностью и правом. Ибо, если склонность к присвоению заложена в природу человека, то уважение к чужой собственности — и свобо-

де — в его природе отсутствует. Это уважение надо прививать, пока оно не пустит такие глубокие корни в народном сознании, что тщетными окажутся любые попытки их вырвать» [20, с. 270].

3

Все сказанное выше автор меньше всего хотел бы представить как обоснование тезиса о преждевременности демократии в России. Скорее, наоборот. Я веду к иному выводу: **судьба конституционной демократии в России сегодня в большей мере зависит от государства, нежели от общества**. Этот парадокс следует объяснить.

Гражданское общество в условиях свободы развивается (должно развиваться) без помощи государства и даже вопреки ему. Однако этот процесс весьма долгий, а у страны нет ресурса времени. Необходим *быстрый* прорыв в новое состояние, и динамику этого прорыва может обеспечить лишь государство. Требуется, пусть и не очень для него естественная, *активная роль* по стимулированию процессов становления гражданского общества.

Речь идет, разумеется, не о том, что государство (власть) должно создавать какие-то общественные структуры, поддерживать гражданские инициативы, стимулировать активность, придумывать и проводить акции и т.п. Все это служит индикатором как раз умерщвления гражданского общества, ибо, «прикасясь» к его структурам, государство неизбежно выступает в роли царя Мидаса. От него требуется совсем другое — найти в себе силы измениться — стать *конституционным* государством в подлинном значении этого понятия.

Государство может попытаться обеспечить проведение реформ в экономической и социальной сферах, сделав ставку на наращивание силы аппарата государственного принуждения (армии, полиции, спецслужб). Такой путь, действительно, позволяет на время повысить степень управляемости. Но этот путь для страны, где не развито гражданское самосознание, где существует еще много носителей тоталитарных представлений, в том числе в политической элите, — гибельный, поскольку вытеснение демократических принципов с большой вероятностью станет не временной мерой, а вектором развития. «Эффективность управления» быстро превратится в самоцель, а народ — в ресурс для реализации замыслов вождей.

Поэтому стратегические интересы развития России требуют *иного пути* к сильному государству, чтобы его сила понималась исключительно как *сила права* и именно такой характер силы понимало и одобряло общество. Провозглашение базовых принципов и создание институтов демократии, как оказалось, сами по себе еще не

гарантируют конституционного духа. Эти принципы и институты — только необходимый фундамент, на котором нужно возвести довольно сложные конструкции правового демократического государства.

Драма политических сил, которые в 1990-е годы взяли на себя тяжкий труд перевода страны из тоталитарного в демократическое состояние, состояла в том, что обществу были предложены лишь некоторые формальные параметры демократии и рыночной экономики, до которых «человеку с улицы», по большому счету, нет дела. Идеология «капитального ремонта квартиры» или «строительной площадки» оказалась чуждой массовому сознанию, поскольку люди не увидели (или быстро потеряли надежду увидеть), во-первых, что «новый дом является *их* домом», а во-вторых, что «прорабы и мастера, не дожидаясь окончания строительства, уже живут в комфорте». На этом фоне и возникло ощущение несправедливости.

Продолжая играть по советским правилам в социальной сфере, власть мало сделала для вытеснения патернализма иной идеей — идеей *правовой защиты всех проявлений свободы* (политической, экономической, религиозной, идейной). Ее реализация должна была бы означать не просто ликвидацию советских рудиментов (например, зависимости самореализации человека от расположенности к нему чиновника), но и создание механизма, позволяющего власти отличать проявления свободы от проявлений злоупотребления ею, от покушения на сам принцип свободы. Вместо этого общество увидело потуги властей разных уровней сохранить патерналистские ожидания.

Власть способна инициировать реформы. Но глубокие реформы захлебнутся и не принесут ожидаемого результата, если общество будет по-прежнему рассматриваться как *объект*, а не *субъект* экономических, политических и социальных процессов. Предназначение демократических институтов и состоит в обеспечении обществу возможности контролировать власть и воздействовать на нее. Следовательно, смысл реформ, в том числе и реформы самой системы власти, состоит не просто в отладке механизмов, но и в том, чтобы эти механизмы привели к *преобразованию власти из «власти начальства» в систему служения обществу и превращению человека из подданного в гражданина*.

4

Здесь не место говорить о том, какие пути, меры и методы требуются для этих целей. Но следует сказать о серьезной, а возможно, и роковой ошибке, допущенной первыми реформаторами, — о ***пренебрежении к потребности в самоидентификации страны***. Российское общество до сих пор опутано мифами, кото-

рые стали неотъемлемой частью массового сознания. Это противоречие между мифами и потребностями динамичного развития во многом и предопределяет мучительность, непоследовательность перехода страны в новое состояние.

Многие — не только обычные граждане, но и политики, высшие должностные лица — отказываются понимать, что советский строй не был просто иной формой государственности, которую другие страны обретают в ходе революций или реформ. Этот строй официально был провозглашен как принципиально новое государство (неслучайно после октября 1917 г. произошло то, чего не бывало ни при одной революции, — целиком и полностью был отменен весь корпус законодательных и иных правовых актов предыдущей эпохи). При этом советское государство не смогло легитимировать захваченную власть, поскольку, разогнав в 1918 г. Учредительное собрание, большевики не проводили свободных выборов (разве что в 1989 г. прошли *относительно* свободные выборы народных депутатов СССР). Вот почему всякая юридическая апелляция к советскому периоду является правовым нонсенсом, ибо это апелляция не просто к другому политическому режиму, а к другому государству.

Таким образом, страна находится в состоянии опасной духовной и правовой двойственности, а потому общество не может консолидироваться вокруг ясных базовых ценностей, ощутить себя единой российской нацией. Для преодоления этого нужна серьезная долговременная программа, одной из целей которой станет восстановление самосознания русского народа как народа, имеющего не семидесятилетнюю и не тридцатилетнюю, а более чем тысячелетнюю государственность. Отдельные фрагменты собственной истории не в силах дать основу для такого самосознания, тем более что оценка тех или иных периодов российской истории по-прежнему дается, как правило, с позиций советской мифологии.

Одним из проявлений допущенной ошибки, о которой сказано выше, стало отсутствие официального акта о правопреемстве современной России от России досоветской. Наоборот, как раз *официально наше государство считается правопреемником именно СССР*. Между тем практика правопреемства такого масштаба существует. Обращение к принципам докоммунистического правового строя осуществили большинство стран Восточной Европы и некоторые республики бывшего СССР. Для России в правовом плане подобным обращением стала бы рецепция Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. и Свода законов Российской империи по состоянию на 2 марта 1917 г. Конституционный порядок, установленный в России в декабре 1993 г., создает необ-

ходимые условия для постепенной адаптации исторических государственных и правовых установлений к обстоятельствам жизни современного общества. Обращение к историческому правопорядку откроет возможность для законного и мирного диалога политических сил, соединит народы России, расставит верные приоритеты при оценке роли лиц и анализе событий нашей истории, создаст необходимые условия для преемственного развития Отечества.

На первый взгляд, это предложение представляется излишне радикальным, способным расколоть российское общество. Но во-первых, речь идет о последовательных и разъясняемых шагах, начиная с самого естественного и вполне понятного подавляющему большинству российских граждан — демифологизации российской истории. Во-вторых, предлагаемый процесс способен по глубине своего воздействия на общественное сознание стать альтернативой негативным чувствам, испытываемым до сих пор значительной частью российского общества в отношении распада СССР. Фактически речь идет об обретении своей исконной Родины — России. В-третьих, реализация высказанных выше предложений способна как раз объединить российский народ, ибо включает гораздо более глубинную мотивацию — потребность в национальной гордости, основанной на исторических традициях (это не отменяет необходимости определения исторических фактов и для национального стыда). В-четвертых, духовно-правовая самоидентификация России и все связанные с этим процессы всколыхнут русскую диаспору во всем мире и станет своеобразным приглашением к возвращению домой, а Россия сегодня крайне нуждается в своих соотечественниках, не порвавших связи с национальной культурой и в то же время лишенных советских стереотипов сознания. Возможно, такое возвращение станет наиболее сильным, не вычисляемым рациональными методами катализатором для рывка нашей страны вперед.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13 560 слов: 2-е изд., стереотип. Т. 1. М.: Рус. яз., 1994.
- Еллинек Г. Общее учение о государстве // Право современного государства. Т. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессенем. СПб: Изд. юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1908.
- Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Избранное / сост., автор вступ. ст. и коммент. С.Б. Рощинский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- Трубецкой Е.Н. Война и мировая задача России // Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / сост. А.П. Полякова, П.П. Апрышко. М.: Республика, 1994. 431 с.
- Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: АСТ, Астрель, Полиграфиздат, 2010. 347 с.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: уч. для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003.
- Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. М.: Норма, 1999.
- Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола. М.: Экон-Информ, 2009.
- Паин Э.А. Исторический «бег по кругу» (Попытка объяснения причин циклических срывов модернизационных процессов в России) // Общественные науки и современность. 2008. № 4. с. 5–20.
- Клямкин И.М. Безальтернативное прошлое и альтернативное настоящее. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013.
- Ильин И.А. Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской империи. М.: ТОО «Рарогъ», 1996.
- Варламова Н. Преждевременный конституционализм, или восточноевропейский эксперимент «обратного хода» истории // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1998. № 2. с. 64–66.
- Токвиль А. Демократия в Америке / пер. с фр.; предисловие Гарольда Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000.
- Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре: Трактаты. М.: Канон-Пресс; Кучково поле, 1998.
- Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. на рус. яз. А. Горнфельда; вступит. ст. Д. Хаустова. М.: РИПОЛ классик, 2019.
- Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Сочинения. М.: Раритет, 1995.
- Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ, 1993.
- Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ.; общ. ред. и послесловие П.С. Гуревича. М.: Прогресс, 1989.
- Свобода. Равенство. Права человека. М., 1997.
- Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Моск. школа политических исследований, 2000.

REFERENCES

- Cherny`x P.Ya. Istoriko-e`timologicheskij slovar` russkogo yazy`ka: 13 560 slov: 2-e izd., stereotip. T.1. M.: Rus. yaz., 1994.
- Ellinek G. Obshee uchenie o gosudarstve // Pravo sovremennogo gosudarstva. T. 1. Izd. 2-e, ispr. i dop. po vtoromu nemeczkomu izdaniyu S.I. Gessenom. SPb: Izd.

- yuridicheskogo knizhnogo magazina N.K. Marty`nova, 1908.
3. Solov`ev V.S. Vizantizm i Rossiya // Solov`ev V.S. Izbrannoe / Sost., avtor vstup. st. i komment. S.B. Rocinskij. M.: Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya (ROSSPE`N), 2010.
  4. Trubeczkoj E.N. Vojna i mirovaya zadacha Rossii // Trubeczkoj E.N. Smy`sl zhizni. M.: Respublika, 1994.
  5. Berdyayev N.A. Filosofiya neravenstva. M.: AST: Astrel`: Poligrafizdat, 2010.
  6. Stefanenko T.G. E`tnopsixologiya: uch. dlya vuzov. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Aspekt Press, 2003.
  7. Mamut L.S. Narod v pravovom gosudarstve. M.: Norma, 1999.
  8. Sociokul`turny`e osobennosti rossijskoj modernizacii: materialy`kruglogo stola. M.: E`kon-Infom, 2009.
  9. Pain E.A. Istoricheskij «beg po krugu» (Popy`tka ob`yasneniya prichin ciklicheskih sry`vov modernizacionny`x processov v Rossii) // Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`. 2008. № 4. S. 5–20.
  10. Klyamkin I.M. Bezal`ternativnoe proshloe i al`ternativnoe nastoyashhee. M., 2013.
  11. Il`in I.A. Osnovy gosudarstvennogo ustrojstva. Proekt Osnovnogo zakona Rossijskoj Imperii. M.: TOO “Rarog”, 1996.
  12. Varlamova N. Prezhdevremenny`j konstitucionalizm, ili vostochnoevropskij e`ksperiment “obratnogo hoda” istorii // Konstitucionnoe pravo: Vostochnoevropskoe obozrenie. 1998. No 2. S. 64–66.
  13. Tokvil`A. Demokratiya v Amerike / per. s fr.; predislovie Garol`da Dzh. Laski. M.: Ves`Mir, 2000.
  14. Russo Zh.-Zh. Ob obshhestvennom dogovore, ili Principy`politicheskogo prava // Russo Zh.-Zh. Ob obshhestvennom dogovore: Traktaty`. M.: Kanon-Press; Kuchkovo pole, 1998.
  15. Montesk`e Sh. L. O duhe zakonov / per. na rus. yaz. A. Gornfel`da; vstupit. st. D. Xaustova. M.: RIPOL klassik, 2019.
  16. Novgorodcev P.I. Demokratiya na rasput`e // Sochineniya. M.: Raritet, 1995.
  17. Il`in I.A. O sushhnosti pravosoznaniya. M.: Rarog, 1993.
  18. Fromm E. Begstvo ot svobody` / per. s angl. Obshh. red. i posleslovie P.S. Gurevicha. M.: Progress, 1989.
  19. Svoboda. Ravenstvo. Prava cheloveka. M., 1997.
  20. Pajps R. Sobstvennost` i svoboda. M., 2000.